

О, сладостный смоленский наш Боян!
Я пред тобой главу склоняю долу.
Нашел ты ключ ко древнему глаголу
И дело дивное свершил для россиян:
Ты перевел поэзию с крюков на ноты,
Не повредив старинной позолоты!

С. Яковлев

Среди разнообразного и интереснейшего литературного наследия Николая Ивановича Рыленкова совершенно особое место занимает пересказ «Слова о полку Игореве». Так считал и сам поэт, и многие знатоки «Слова» и читатели.

Почему? Казалось бы – это не оригинальное произведение, а всего лишь стихотворный пересказ небольшого текста, написанного в далеком от нас XII веке на древнеславянском языке. Тем не менее, изучение его и споры по различным аспектам произведения не утихают более 200 лет – со времени нахождения рукописи любителем и собирателем древностей графом Мусиным-Пушкиным в конце XVIII века. Мусин-Пушкин приобрел среди других рукописей и сборник XVI века светского содержания в Спасо-Ярославском монастыре. В нем оказалось и «Слово», которое сразу привлекло к себе внимание.

Первые сообщения об открытии этой жемчужины были сделаны Херасковым в 1797 году в примечании к его поэме «Владимир» и Н.М. Карамзиным в журнале, издаваемом в Гамбурге французскими эмигрантами. А чуть позже, в 1800 году, владелец «Слова» в сотрудничестве с друзьями учеными-археографами А.Ф. Малиновским и Н.Н. Бантышом-Каменским осуществил печатное издание.

Культура XII века в это время была практически неизвестна. «Слово» – первый огонек, звезда во тьме средневековой Руси, или, по словам А.С. Пушкина, «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней литературы».

Как это практиковалось издавна на Руси (что было абсолютно правильно и необходимо) с рукописи было снято несколько копий, одна из которых предназначалась для императрицы Екатерины II. Дальновидность этого шага можно понять из дальнейшей судьбы «Слова», а она и трагична и чудесна одновременно.

Написанное в XII веке, оно разделило судьбу многих рукописных творений средневековой Руси, когда из-за княжеских междоусобиц, набегов кочевников, частых пожаров и наводнений, а, возможно, и небрежности при хранении были утеряны драгоценные рукописи и, к сожалению, навечно. Однако «Слово» не затерялось и, благодаря Мусину-Пушкину конец XVIII – начало XIX веков можно считать временем второго рождения его.

А потом случился знаменитый пожар 1812 года, уничтоживший в Москве не только деревянные строения, но и много уникальных документов и не пощадивший ни дом, ни собрание древностей Мусина-Пушкина с рукописью «Слова» (а там были и другие бесценные рукописи – как, например, Троицкая) и большинство экземпляров первого издания. И все же часть книг и рукописных списков сохранилась, что было счастьем, т.к. появилась возможность позднее сравнивать тексты екатерининской рукописи и первого печатного издания. Эти сравнения показывали, что и современники Мусина-Пушкина и он сам слабо знали особенности языка XII века и не понимали многое в тексте, добавляя свои ошибки к тем, что делали более ранние переписчики. Но, в то же время, будучи добросовестными, издатели предпочитали оставлять «темными» непонятные им места, а не произвольно по собственному усмотрению «просветлять» их.

Уровень развития русской филологии, истории, отсутствие палеографических знаний не позволили при вторичном «рождении» «Слова» раскрыть ни глубокий гуманизм и патриотизм, ни изумительный лиризм этого поистине уникального произведения. Слишком смутными были представления о жизни средневековой Руси. И в то же время многие понимали неординарность произведения. В «Слове» видели ценное свидетельство существования высокой и своеобразной поэтической культуры в XII веке.

Главным в нем было то, что безымянный создатель «Слова о полку Игореве» с необычайной прозорливостью сумел уловить и гениально воплотить еще только зарождавшийся в разгар феодальной раздробленности и междоусобиц удельных княжеств идею необходимости объединения их для борьбы с внешним врагом.

Даже сейчас, когда найдены ответы на многие вопросы и загадки, остается много тайн, привлекающих исследователей, почему «Слово» захватывает своим очарованием все новые поколения читателей уже более восьми столетий.

Над ним работают ученые, оно вдохновляет все новых и новых поэтов, появляются новые переводы «Слова» и произведения по мотивам его.

Рыленков назвал двадцатый век третьим рождением «Слова».

В предисловии к первому изданию своего пересказа Н.И. Рыленков писал: «Великие произведения искусства отличаются тем, что, перейдя за грани веков и даже тысячелетий, они сохраняют не только свою историческую ценность, но и художественное обаяние, продолжая эстетически воздействовать на сердца и души новых поколений. В каждую новую эпоху они как бы заново рождаются, оказывая непосредственное влияние на развитие вечно обновляющегося и потому вечно молодого искусства. ...

Это произведение даже как-то странно называть памятником древней русской словесности. Странно потому, что к памятникам мы обычно относимся с холодной почтительностью, а «Слово о полку Игореве» задевает и заставляет звучать все самые чуткие, самые живые струны нашего сердца».

Действительно, Рыленков даже не мог себе представить время, когда он был бы не знаком со «Словом». Оно было спутником его жизни, хотя не с младенчества, как, скажем, Пушкин, Кольцов или Никитин. Но уже в школьном возрасте из любимых его стихотворений был «Плач Ярославны» в переводе Ивана Козлова и остался им до конца жизни. Вот как он говорил в 1962 году после окончания работы над пересказом: «Если бы меня попросили назвать одно из самых мужественных произведений русской литературы, я ни на минуту не задумываясь, указал бы на «Слово о полку Игореве».

А если бы меня тут же попросили назвать один из самых женственных образов русской поэзии, я так же без всяких колебаний указал бы на Ярославну».

Глубокий и стойкий интерес к «Слову» пришел в студенческие годы, когда Рыленков смог прочесть подлинник. Хотя у меня (правда слишком поздно) постоянно мучит вопрос – каким образом он смог выучить старославянский язык и знать его настолько хорошо, что мог наизусть читать отрывки из «Моления Даниила Заточника» или «Слово о погибели русской земли». Выучил он его действительно самостоятельно.

Этим ершистый, неординарно мыслящий студент покорила профессора П.М. Соболева – знатока древнерусской литературы и фольклора, который не раз говорил ему – бросили бы вы свои пустяки (имелись в виду лирические стихи) и занялись бы настоящим делом. Перевод «Слова о полку Игореве» был бы настоящей школой.

Как ни лестно было такое предложение, огромная любовь к «Слову», высокое чувство ответственности и перед собой, и перед читателями не давали ему права заняться такой работой без внутренней готовности к ней. Но и забыть о нем он не мог: «Слово» приковало к себе Рыленкова на всю жизнь.

Кроме того, Рыленков не только отлично знал, как очень немногие, историю, но и обладал глубоким чувством ее, улавливал повторяемость причин событий ее. Живя в очень сложное время, он мог рассказывать о нем образами других эпох.

Рыленков на всю жизнь запомнил слова своего учителя истории Кутузова – «Не зная прошлого своего народа, нельзя понять его настоящего и заглянуть в будущее. Но мало знать только историю своего народа, нужно ясно представлять себе его место в истории всего человечества».

Смутные времена XX века перекликались и со смутным временем эпохи «Слова» и более поздних времен. И, таким образом, «Слово» привлекало Николая Ивановича и как гениальное творение, и как факт истории.

Первыми подступами к теме «Слова» стали написание стихотворения «Боян» (1938) («Заря как медный щит багряна», вошедший затем в Триптих) и баллады «Меч Мономаха» (1939 г.) о походе объединенных сил русских князей на половцев.

Оба направления в стихотворном творчестве Н.И. Рыленкова – лирика и обращение к истории не приветствовались. Вот несколько строк из письма М.В. Исаковскому от 13.02.1941:

«Недавно у нас было обсуждение итогов литературного года, на коем мне изрядно досталось за лирику и за увлечение историей, так что я сейчас пишу мало, больше переписываю!»

Война. Жесточайшие испытания опять приводят его к «Слову». Мотивы проявляются во многих стихах, и даже название первой военной книжки навеяно сном Святослава – «Синее вино».

Открывается же сборник стихотворением «Прошедшим фронт, нам день зачтется за год», а в нем строчки:

И синего вина, вина печали,
Она нам полной чашей поднесла,
Когда мы в первых схватках постигали
Законы боевого ремесла.

Или это очень близкое по стилю изложения «Слову»:

Из лесов разбежались волки,
Ушли из берлоги медведи,
Из норы обжитой и просторной
Лиса увела лисенят.

Лежат мертвецы по дорогам,
И вороны – их соседи,
Как гости на черной свадьбе,
Ходят вперед и назад.

Эту книжечку отметил А.А. Фадеев, стихи ему понравились, но удивило название, которое он посчитал декадентским. Пришлось Рыленкову объяснять, что в таком случае родоначальником декадентов является автор «Слова», и Фадеев весело рассмеялся.

По традиции Рыленков подарил по книжке жене и дочерям. На подаренном мне экземпляре он написал:

«Милая Ирочка! Скорей подрастай, тогда ты поймешь эту книжку.

17/VIII-43г. Твой папа Коля.

Радость моя!

«Синее вино» для меня действительно вино печали»

Примечательно, что в годы войны много издавалось сборников патриотического характера и в них использовались даже старинные рукописи. В нашей библиотеке сохранилась книжечка под названием «Родина», изданная в 1943 году в Москве (II издание, доредактированное). Это сборник высказываний русских писателей о Родине. Открывается он отрывком из «Слова о полку Игореве», 1185–1186, в переводе Шервинского. А за ним следует отрывок из «Слова о погибели русской земли» XIII век (перевод Н. Белинович). И далее – 39 авторов от Ломоносова, Сумарокова, Державина до Есенина, Горького, Маяковского.

Мое первое и очень мимолетное, поверхностное знакомство даже не с самим «Словом», а образными выражениями из него произошло в шестилетнем возрасте, когда после ужасов войны, жизни на линии фронта под Москвой нас нашел папа и сумел отправить в тыл – Татарию. Туда он и прислал маме и нам с сестрой по книжечке своих военных стихов с очень странным названием «Синее вино» Понять трагизм, вложенный в название книги, я не сумела по понятным причинам, но на эмоциональном уровне забыть пережитое в зоне военных действий не могла. А дальше было изучение «Слова» в школе, к которому я была уже готова по интереснейшим рассказам о нем (да и многом-многом другом) во время длительных воскресных обедов. Именно благодаря им я знала гораздо больше своих сверстников в разных областях истории, культуры, особенностей крестьянского быта (хотя в ту пору кое-что в нем мне казалось диким) и о многом другом. Думаю, что именно эти беседы сыграли очень существенную роль в формировании нашего с сестрой духовного мира.

Знакомились со «Словом» по переводу, правда не помню автора его, хотя, может быть, он и не указывался. Текст казался простым, нас не запутывало обилие имен князей – помогало знание истории. Нравился и «Плач Ярославны».

И все же это было поверхностное соприкосновение.

По-настоящему я стала подходить к пониманию значения «Слова», когда к 775-летию со времени создания его появилось много публикаций о нем – часто очень интересных, иногда спорных и даже невежественных, но особенно меня покорили многочисленные отклики на пересказ Рыленкова, которые шли, начиная с 1962 года, когда появилась первая публикация отрывков и до 1969 года, когда он ушел из жизни.

Прикосновения к «Слову» продолжались и в послевоенные годы. В 1961 году было написано стихотворение «Ярославна», вызвавшее волну восторженных откликов. Оно показало, что автор готов к работе над «Словом» и откладывать ее уже просто невозможно.

Рыленков приступил к пересказу летом 1962 года, тогда же и закончил. Работал в цветущем саду, делая записи в блокноте. Многолетнее обдумывание любимого «Слова», доскональное знание исторических фактов, работ исследователей, переводчиков позволили быстрому осуществлению замысла. Уже буквально через несколько дней после окончания работы «Литературная газета» (01.09.1962) публиковала отрывок из пересказа – «Плач Ярославны», переданный по телефону. В «Лиж» был напечатан другой отрывок «Золотое слово Ярослава» (14.09.1962).

Первые же публикации «Слова» еще в отрывках вызвали живой отклик и среди писателей, и среди любителей русской словесности.

Поэт-переводчик Э. Левонтин в открытке от 01.09.1962 пишет:

«Ах, до чего же я взволнован дорогой друг, прочитав полчаса тому назад несколько строф, а видно: Вы пишете для сегодняшнего читателя, и в то же время сохраняете самое природу подлинника. Это почти разрешение задачи на создание квадратуры круга! С нетерпением буду ждать полного перевода (если доживу: лет мне много, здоровье никудышное)».

Виктор Боков (поэт), 02.09.1962:

«Я только что вернулся с Заполярья, был у подводников Северного флота, читал им стихи и первое, что увидел – Ваш перевод «Слова». Вы помните, что я говорил о своем отношении к переводам «Слова» – не веря в возможность такого осуществления. Но, прочитав, остался доволен отрывком. Это звучит как новое. Успех этого дела, как мне кажется, в том, что Вы открыли подлинник «Слова» ключом современной лирики, современной лирической интонацией. Это победа. Это приблизит «Слово» к массовому читателю и подскажет, что «Слово» можно переводить поэту, применительно к своему стилю и дыханию. Как-то раньше оно меня раздражало в любом переводе».

М.В. Исаковский, 02.10.1962:

«О том, что ты перевел (или пересказал стихами) «Слово о полку Игореве» я знаю и отрывок, напечатанный в «Лит. газете» я читал. По-моему, у тебя это хорошо получается. Впрочем, иначе и не может быть. «Слово» – оно как бы созвучно всей манере твоего письма и твой «пересказ» должен получиться хорошо. Кстати, видел ли ты пересказ, сделанный Янкой Купалой? (на белорусском языке).

...

Где печатать твой «пересказ» «Слова»? Да по-моему, его напечатает любой журнал, в какой бы ты ни послал. Но, конечно, лучше всего «Огонек». Лучше потому, что только

он один сможет напечатать к сроку, если даже юбилейная дата «Слова» придется на октябрь. Тебе просто надо немедленно послать рукопись в редакцию».

Ротштейн (литератор, исследователь творчества Куприна), 21.09.1962:

«На днях с восхищением прочитал Ваш перевод «Золотого слова Святослава». Считаю эту работу Вашу литературным подвигом. Она порадовала меня не только близостью к «букве» (это не так уж важно), а главное к «духу» подлинника, к его чисто художественному колориту.

Очень нужная и великолепно удавшаяся работа.

От всей души поздравляю Вас и жму руку»

Г.Н. Нежданов (читатель), 06.05.1963:

«Глубокоуважаемый, дорогой и любимый Николай Иванович!

Недавно Вы закончили новый перевод «Слова о полку Игореве». Я прочитал отрывок «Золотое слово Святослава».

Я просто поражен и восхищен мощью и красотой возрожденного Вами древнего «Слова». Я не мастер говорить комплименты – но на меня повеяло истинной древней Русью. Майков – сух, Заболоцкий – дает прекрасный перевод, но несколько модернизированный. Ваш я считаю просто чудесным!

Я очень бы просил: когда выйдет в свет этот перевод отдельным изданием, вышлите его мне или закажите для меня, чтобы мне выслали.

Я больше двух лет лежу в постели. Напомню Вам, кто я – инвалид Отечественной войны I группы, б. офицер, участник обороны Одессы, я добровольцем воевал в финскую и в последнюю войну. В прошлом я – преподаватель истории СССР, русского языка, литературы и рисования. Но на Карельском перешейке я был ранен, простужен, получил туберкулез и лишился школьного преподавания. В эту войну лишился ног. Сейчас для меня единственная доступная радость: чтение».

Пересказ «Слова», выношенный в душе до мельчайших подробностей, сложился в текст очень быстро и случайно, но счастливо совпадал с подготовкой к празднованию 775-летия его создания. Юбилей собирались отмечать широко. Работала комиссия, имевшая статус постоянной. Председателем стал Николай Иванович, членами – ученые-исследователи древнерусских текстов, переводчики, литературоведы, писатели. Круг мероприятий предполагался многообразным – от научных дискуссий и конференций до специальных радиопередач и широких публикаций в печати статей и текстов «Слова».

Внимание к выдающемуся памятнику культуры древней Руси было столь велико, что многие улавливали даже небольшие несоответствия в текстах различных изданиях.

Написал несколько статей и Николай Иванович: «Волшебное зерно русской литературы» (журнал «Октябрь» № 10, 1962), «У истоков русской поэзии» (журнал «В мире книг» № 10, 1963, напечатана без названия в рубрике «Слово о полку Игореве» к 775-летию со времени создания, «Немеркнувший свет поэзии» (газета «Правда» от 24.12.1963 года) и ряд других.

В письме от 22 августа 1963 года редактор отдела И. Евграфов пишет: «Уважаемый Николай Иванович!

Вашу статью «У истоков русской поэзии» (к 775-летию «Слова о полку Игореве») получили совершенно точно – в срок. За это Вам большое спасибо.

И особенно хотелось бы Вас поблагодарить за саму статью. Это то, что нам нужно. Написана она блестяще, и те, кто читал ее, получили глубокое удовольствие.

Статья без изменений сдана в набор.

Еще раз большое спасибо вам, Николай Иванович!»

После публикации статьи Евграфов пишет (22.11.1963):

«Уважаемый Николай Иванович!

Читатель Червинский имеет «Слово», изданное в 1953 году в Ленинграде в «Библиотеке поэта». Его смущает цитата, приводимая Вами в статье («В мире книг» № 10) «Своя милья хати». В ленинградском издании, как он пишет, другое чтение: «своя милья хоти».

Сообщите ему, пожалуйста, как правильно следует читать: хати или хоти!».

«15.12.1963 года

Уважаемый Николай Иванович!

Спасибо за письмо. Оно пришло своевременно: еще один читатель обнаружил нашу ошибку («хати»). Это, конечно, достойно сожаления, но, с другой стороны, письма доказывают, что «Слово» у нас не только читают, но и знают дословно.

С уважением

Редактор Евграфов»

И так дополняет официальную часть письма:

«P.S. Дорогой Николай Иванович!

Только что прочел Ваше «Слово» в «Лит. России». Это бесподобно! И становится чуть грустно при мысли, что этого не было сделано раньше...

Я абсолютно уверен, что теперь-то «Слово» станет действительно всеобщим достоянием. Поверьте – его будут учить и заучивать.

Николай Иванович, кто взялся за издание перевода? Это нужно делать срочно. Чем может помочь наш журнал здесь?

С любовью

Евграфов»

Читатель из Киева Червинский оказался читательницей:

«21.12.1963 года, Киев

Уважаемый тов. Рыленков!

Напоминаю Вам о себе: «хати» или «хоти». Получила, совершенно не ожидая, от Вас письмо. Благодарю за внимание!

Почему я Вам пишу? – Сегодня вместе с Вами я отмечаю по радио 775-летие «Слова о полку Игореве». Содержание передачи, вероятно, слушали и Вы.

И вдруг слышу, что будет прочитан отрывок из Вашего поэтического перевода «Слова». Во время чтения диктором мне очень и очень понравилось Ваше поэтическое переложение, но это происходило так быстро, что после передачи, конечно, ничего не осталось в памяти.

Очень прошу, сообщите, где напечатана полностью Ваша поэзия. Сколько любви и искусства Вы вложили в это творение!

Пишу Вам в Смоленск, но что-то уж очень неразборчиво написано Вами название улицы. «Авось» иногда удается!

С искренним уважением

Червинская

P.S. Из журнала «В мире книг» я, конечно, не могла узнать, что Вы поэт»

Полный стихотворный пересказ «Слова» увидел свет в газете «Литературная Россия» от 13 декабря 1962 года с иллюстрациями И. Глазунова и с небольшим предисловием автора, показывающим, сколь много значило это произведение для него.

А уже 14 декабря ему пишет письмо из Ярославля Петр Лосев:

«Дорогой Николай Иванович!

Только что прочел твой чудесный поэтический пересказ «Слова о полку Игореве». От всей души, от всего сердца поздравляю тебя с успехом. Все хорошо, все превосходно, а «Плач Ярославны» прямо-таки потрясает. Никто еще из поэтов не передавал ее чувства с такой глубиной и обаянием.

Я пишу это письмо из древнего города Ярославля, где найден был список «Слова». Из окна дома виден Спасский монастырь, его белые зубчатые стены. Это – Россия, и та самая, которая воспета Бояном, и та, которую ты воспеваешь в своих стихах.

Какой замечательный подарок преподнес ты мне, твоему давнему поклоннику, перед новым годом. Великое спасибо»

А 18 декабря он снова возвращается к «Слову»:

«А «Слово» очень, очень получилось. Плач Ярославны мы прочли в домашнем кругу три раза подряд. И от Святославова сна все в восторге. Меня всегда брал за сердце перевод Д.Н. Семеновского (какой большой был поэт и какой скромный, мне выпало счастье не раз встречаться с ним), но теперь появился новый мой кумир – твой поэтический пересказ».

Может быть и редко, но бывают такие совпадения – в тот же день, т.е. 14 декабря, пишет письмо тоже по поводу «Слова» Евгений Пермяк:

«Милый Николай Иванович,

прочел твой стихотворный пересказ «Слова о полку Игореве» и почувствовал своей обязанностью написать тебе.

Это прекрасный и достойный подлинника перевод. (Подлинный подлинник, говорят, находится в библиотеке Ватикана). Мне, занимавшемуся СЛОВОМ, когда я писал пьесу, связанную с ним – ШУМИТЕ, РАТНЫЕ ЗНАМЕНА (издательство Искусство, 1941 год), особенно понятны и дороги трудности, которые ты преодолел, назвав перевод пересказом. Перевести СЛОВО на РУССКИЙ с РУССКОГО нельзя, да и неправомерно.

Я читал множество ПЕРЕ(сказов-водов), но твой меня устраивает почти АБСОЛЮТНО, если не считать, что абсолютного нет, кроме как в слове АБСОЛЮТНО.

Читая, я нигде не почувствовал АРХАИЗМА, КАК И НЕ ПОЧУВСТВОВАЛ модернизации приспособления пересказа к языку, на котором мы говорим. Т.н. «декорум» соблюден в той языковой гибридации, которая позволяет СЛОВУ оставаться словом и быть произведением нашего времени, написанный современно.

Наверно, найдутся нападчики. Они бывают всегда, если даже «ты» напишешь хронику в три строки. Но не нужно (не следует) отвечать, полемизировать. СЛОВО высловилось так, как ты его понял, перечувствовал и переломил через свою чистую целомудренную душу человека, который мог бы (и был задуман) родиться красной девушкой, а родился парнем.

Однако же...

Однако же в тексте нужно сделать поправки, в том числе орфографические.

Венера, Зевс, Аполлон пишутся с больших букв. И это правильно. Не могут и не должны боги славянского олимпа (Даждьбог и Обида) писаться с малых букв. Это оскорбительно и корректорски подло.

Мы, закабаленные после цветущего, прогрессивного и передового для нас XII века, гибельным игом, начавшимся в XIII веке, а потом всякими прочими влияниями позднейших лет, вырвали из нашей истории страницы славянского многобожия (языческие страницы) не менее интересные, чем страницы о греческих богах и куда более содержательные и поэтические нежели повествования о крещении Руси.

У тебя ТРИЖДЫ повторяется слово ХАРАЛУЖНОЙ СТАЛИ. В XIX главе без него можно обойтись.

На каком слоге ударение в имени Овлур? Проверь. Оно в тексте пересказа должно быть везде одинаковым.

Одним словом, я поздравляю тебя, будто поздравляю себя, поэтому стараюсь быть умеренным в похвалах. И если бы ты пересказал только одно «Слово» и у тебя не было бы более ни одной строки, то и при этом о тебе бы «рокотали струны» читающих тебя и днесь и после.

Поздравляю Тебя, дорогой Николай Иванович с хорошей победой. Пусть она не станет пока столь шумной, но ведь кроме шума есть еще и время, и нация.

С самыми велеречивыми пожеланиями и обыкновенными пожеланиями – будь здоров. Евгений Пермяк»

Надо отметить, что хотя «Слово» и «высловилося» очень быстро (летом 1962 года), но не закончилась работа над ним и окончательный текст его датируется 1962–1966 годами, т.е. те или иные правки вносились четыре года.

Рыленков мог соглашаться или не соглашаться с замечаниями, но всегда серьезно относился к ним и обязательно аргументированно объяснял свою точку зрения, являясь самым строгим судьей своих творений.

Публикация пересказа в «Литературной России» привлекли внимание и зарубежных исследователей. Так Рыленков получил письмо из Франции от 24 января 1964 года преподавателя Е.Д. Коновалова, работавшего в Русском институте г. Пуатье. Ранее в Парижском университете один из профессоров-славистов принял тезу Коновалова – «Греческие источники языка и стиля «Слова о полку Игореве». В ней он объясняет темные места «Слова» путем сравнения русских и греческих выражений. Но профессор ушел в отставку. Найти трех специалистов для дальнейшего обсуждения тезы Коновалов во Франции не мог. Кроме того, он расходился во мнениях и с Д.С. Лихачевым и особенно, переводчиками произведения. Прочитав пересказ Рыленкова, который ему понравился, но посчитал, что в некоторых местах автор ошибается, предлагал обменяться мнениями. Коновалов пытался связаться с болгарскими славистами, отправил в Софию на съезд славяноведов в адрес Академии наук перечень греческих глаголов, позволяющих установить точный смысл «Слова». Однако не получил ответа. Видимо, Коновалов надеялся получить поддержку своей концепции в России. Обмен мнениями, насколько мне известно, не состоялся по разным причинам, одной из которых являлось незнание греческого языка.

А отзывы все приходили.

Тимофей Ефимцов (поэт, прозаик, Орджоникидзе), 20.11.1963 года:

«Дорогой Николай Иванович!

С большим интересом прочитал Ваше «Слово». Такое только исполина под силу. От всего сердца поздравляю Вас с «Игоревской» победой. Я перечитывал стихи про Илью Муромца Сельвинского – тяжело, недоступно. Ваш пересказ льется как чудный Днепр. Все здесь просто, красиво, здорово... Особенно «Плач»! Желаю Вам в Новом году доброго здоровья и новых восхождений на поэтический Казбек».

Один из читателей А.С. Шевченко заметил неточности в изображении особенностей поведения соколов и решил уточнить тонкости соколиной охоты. Сразу же после публикации пересказа пишет в письме от 18.12.1963 года:

«Глубокоуважаемый тов. Рыленков,

Ваш стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» просто изумителен. Разрешите поздравить Вас с великой удачей.

Позвольте высказать и некоторые соображения.

С испокон веков овеяна благом охота с ловчими птицами.

С величайшим искусством, как нигде, тешились ею у нас на Руси...

Нет сомнения, что творец «Слова» был замечательным сокольником. Уже по одной лишь строфе: «Коли сокол в мытех бывает, высоко птиц взбивает, не дает гнезда своего в обиду», – мы угадываем охотника, привыкшего держать на перстатой своей рукавице сокола, угадываем охотника с чувством природы, до тонкостей постигшего повадки ловчих птиц. В самом деле, только недавно стало известно то, что много веков назад было ведомо певцу «Слова»: линяют соколы именно в то время, когда птенцы у них в гнезде.

У ВАС же речь идет почему-то о соколах, уже побывавших в линьке – в прошедшем времени. Автор говорит вообще о птицах (взбиваемых соколами), Вы же ограничиваете это понятие только хищными.

Думается мне, что здесь Вы отступили от подлинника...

Не обижайтесь, пожалуйста, на мои замечания. Вы с великолепным мастерством добились своей цели. Но и здесь хотелось бы сохранения поэтического духа подлинника и его колорита.

Низко кланяюсь ВАМ.

А. Шевченко»

Но поскольку письмо было отправлено в адрес газеты и не получив быстрого ответа, Адриан Сергеевич решил, что его замечания отвергнуты. Он посылает повторное письмо, но уже в Литературную газету. И... получает ответ из Смоленска. 15.01.1964 года пишет новое.

«Глубокоуважаемый Николай Иванович,

Порадовало меня Ваше славное письмо. Искреннее спасибо Вам за приветливую речь. Только я провинился перед Вами. Уж Вы, пожалуйста, не гневайтесь на меня. Поспешил. Я полагал, что Вы живете в Москве. Не получая от Вас ответа, решил, что Вы против моих замечаний. Послал их в «Литературу»...

Я сказал, что это Ваша большая удача, пересказ привлекателен и звучанием, и построением. Получив от Вас сегодня письмо, я тотчас написал в редакцию Лит. Газеты, что получил от Вас письмо. Вы согласны со мной. Просил вернуть мои замечания».

Привлек пересказ внимание двух студентов-филологов – московского и нальчикского университетов Ю Круглова и Б. Тхамокова. Но если Тхамоков высказывает свою

точку зрения примерно через полгода после ознакомления с «Вещим сном Святослава» и написания курсовой работы по «Слову», то рецензия Круглова была готова уже через 3–4 дня после первой публикации и полного пересказа в «Литературной России».

Довольно скоропалительно для серьезного анализа такой сложной, глубокой вещи и еще таящей загадки даже для многолетних исследователей.

Кратко можно охарактеризовать мнение Круглова (или как он называет его попыткой дать рецензию) полным неприятием пересказа, все сделанное фактически у него идет с частицей не. Даже время появления и цели работы (сделать доступнее современным читателям) называются неожиданными. Не устраивает Круглова стихотворная форма перевода, которая, по его мнению, разрушает первоначальную форму поэмы, обвиняет автора, что тот еще и допустил непростительную нетактичность, оставляя некоторые слова и выражения из «основного текста».

Вопреки элементарной логике, да и просто здравому смыслу, Круглов утверждает, что нашим современникам пересказ не только не поможет понять суть творения, но даже окутает еще большим туманом и позиционирует свою точку зрения как всеобщую, или, по крайней мере, многих. И предлагает провести дискуссию или, если это невозможно, ответить ему лично на его «маленькие замечания».

А дискутировать-то было не о чем. Прав, прав многократно Евгений Пермяк в своем письме. Напомню: Наверно, найдутся нападки. Они бывают всегда, если даже «ты» напишешь хронику в три строки. Но не нужно (не следует) отвечать, полемизировать». Что ж, и мы не будем.

Письмо Бориса Тхамокова, не претендующего на всеобщность и высказывающего свое лишь мнение в марте 1964 года:

«Дорогой Николай Иванович!

Я студент ИФФ, прочитал прошлой осенью отрывок Вашего перевода «Слова» в газете «Литература и жизнь», прочитал с большим удовольствием, с большой радостью. В это время я писал курсовую работу по «Слову», любимому мной произведению древности. Ваш «Вещий сон Святослава» обрадовал меня. Мне кажется, Вы прочувствовали печаль неудачи похода Игоря глубже, чем даже сам автор. В Ваших строфах – слезы, действительно золотые слезы!..

Мне очень понравился перевод. Мне захотелось перевести его на свой, кабардинский язык. Правда, боюсь. Это такое произведение, к которому надо подходить с большой поэтической душой и умом. Не знаю, хватит ли у меня силы, но есть большое желание и какая-то жгучая, безумная уверенность в себе.

Перевел я «Вещий сон Святослава», показал некоторым литераторам, членам Союза писателей КБАССР, которые одобрили и посоветовали перевести Ваше «Слово» полностью. И вот мечтаю найти полный текст Вашего перевода. Часто заглядываю в книжные магазины города, пишу по адресам крупных иногородних магазинов – не найду. Неужели не вышло еще на свет? Недавно у нас в городе появились красочно оформленные книжки «Слова». Каково мое было удивление, когда узнал, что это давно известный перевод Жуковского. Почему Жуковского, а не Рыленкова?...

И вот пишу Вам. Прошу Вас прислать мне Ваше «Слово» и все названия выпущенных Вами книг написать с указанием места и года выпуска....

Дорогой Николай Иванович!

Не могу не побеспокоить Вас. Буду очень и очень рад, если исполните мою просьбу.

Тхамоков Борис

Однажды мне послышалось: знакомый голос. Я насторожился: «Слово?»...

«Да! Это он!»... Подбежал к громкоговорителю и не ошибся. Вы читали «Слово». Конечно, я никогда ранее не слышал Вашего голоса. Но почему-то он мне показался знакомым. Видимо, «Слово о полку Игоре» можно читать только так».

Действительно, к моменту поисков книги Борисом Тхамоковым, она еще не была издана. Текст пересказа был напечатан только в периодической печати.

Откликались и учителя. В мае 1966 года пришло письмо от учителя из Куйбышева:

Дорогой Николай Иванович!

Вы доставили большое наслаждение своим пересказом «Слова о полку Игоре» не только мне, но и моим ученикам 9-х классов, которых я ознакомил с книгой. От Души поздравляем Вас с удачей и, если сможете, просим прислать экземпляр с автографом для нашего музея.

Г. Куйбышев-28, школа № 156, 9А,В классы

Ваш Михаил Кошкин.

Переводчик и литературовед Эткинд из Ленинграда:

«Дорогой Николай Иванович,

Я был очень рад получить Вашу книжку и Ваш привет – в ласковом посвящении. Я воспринял это все как подарок к первой годовщине нашего знакомства, – не так ли?

Большое Вам спасибо. Ваш перевод я люблю давно и устойчиво – с тех пор, как прочитал его в «Литературной России». Он совсем другой, чем, скажем, у Заболоцкого – там преобладает мраморный стих и отчетливая пластика. У Вас – лирическое движение, сердечная проникновенность интонации. Иногда, правда, хотелось бы большей звучности в рифмах (надо ли рифмовать идол – видел?), но Ваше «Слово» лиричнее всех прошлых, и современной – поэтому...

Всегда с радостью читаю Ваши статьи то тут, то там. Жалею, что печальный повод, по которому Вы были в Ленинграде, помешал нашей встрече. Отложено – не потеряно!

Желаю Вам доброго лета и светлого духа.

20/VII-66г.

Ваш Е. Эткинд

P.S. В. Носков, оказывается прекрасный художник. Если бы обложка – получше, да печать – почерней, книга была бы отличной во всех отношениях!»

Печальный повод, упоминаемый в письме – похороны А.А. Ахматовой, Рыленков возглавлял там делегацию писателей СССР. Книга, о которой идет речь «Слово о полку Игоре», издательство «Советская Россия», 1966 год, обложка мягкая.

Николай Николаевич Ушаков, поэт и знаток «Слова» отмечает в письме от 23.11.1966:

«Дорогой Николай Иванович!

Наши праздничные письма разошлись, и лишь теперь – после украинского V съезда – могу поблагодарить Вас за «Слово о полку Игоре», хотя прочел Вашу книгу в день получения. Мне кажется – это один из самых удачных переводов. Особенно длинные строки – приближающие к размеру подлинника.

Большое спасибо»

Но совершенно поразительными и даже пронзительными являются письма «простых» людей, иногда не очень образованных, но обладающих внутренним чутьем, чистым сердцем и умом, с их бесконечной жаждой знаний, очень трогательных, даже наивных и вместе с тем пронизательных. К ним относятся письма Дмитрия и Дуни Мирошниченко из Кемерово:

«г. Кемерово, 28/XI-67г.

Здравствуй Николай Иванович!

Привет Вам от нас с Дуней. Желаем доброго здоровья и успехов.

Пишем Вам из далекой Сибири.

С чего начать мне, и как написать Вам, наш далекий незнакомый добрый друг? Получая многие годы центральные газеты и журналы, и в том числе, и от Союза писателей РСФСР газету «Литература и жизнь» и еженедельник «Литературная Россия», в газете «Литература и жизнь» за 1962 год встретил отрывок одной из глав Вашего перевода «Слова о полку Игореве»

Но скажу я о том ниже.

...

Не забывая слов великого учителя: «Я знаю, что знаю мало, и хочу знать больше», я всю жизнь старался узнать, глубже изучить историю Родной земли.

Мне теперь 70 лет и с 14 лет я читал... Прочитано много, много позабыто, много держится и в памяти, но есть вещи, которые, прочитав раз, никогда уже не забудешь и они неповторимы...

В 14 лет я прочитал в журнале «Пробуждение», помнится, в 1912 году «Плач Ярославны». Помню, начинался он словами: «В Путивле плачет Ярославна одна на городской стене». Я потом забыть уже этого не мог и потом позднее, когда я взял в руки само «Слово о полку Игореве», я с таким вниманием и желанием его читал... Но изучить и глубже вникнуть в смысл «Слова» в 17–18 лет я, конечно, еще не мог. Да и что можно изучить, не зная глубже историю родной земли? Но оно и тогда влекло меня тем величием образов и той своеобразной музыкой стиха, как потом и позднее, и до сегодняшних дней увлекал меня, скажем, образ Гарибальди. И вот, встретив главу из Вашего нового перевода «Золотое слово Святослава», я тщетно искал Ваш полный перевод «Слова» но и до теперь не нашел, не попадет, видно, он в нашу далекую Сибирь.

А так хотелось бы его иметь... вот у меня есть несколько их переводов... И не в лесть и не в похвалу я скажу Вам, Николай Иванович, уже судя лишь по той одной главе, что у меня, я буду искать только Ваш перевод, потому что только в нем одном сохранилась та прелесть и своеобразная мятущаяся музыка стиха, и простота, и доходчивость русского слова.

В скромной моей библиотеке имеется все то, что я хотел иметь, все те писатели и поэты классики XIX–XX веков, которыми я духовно живу, нет только Вашей книги, Вашего творчества.

Не желая быть назойливым, я все же хотел бы просить Вас, Николай Иванович, помочь мне, хоть если и не делом, то хотя Вашим дорогим для меня советом, как и где приобрести и иметь Вашу книгу. Я был бы Вам сердечно благодарен, если бы через Вас почтовой бандеролью получить Вашу книгу, если уже нельзя полностью, то хотя бы перевод «Слова».

Заканчивая свое небольшое и бессвязное письмо. Мы сердечно желаем Вам долгого здоровья и долгих лет жизни и силы для новых творческих свершений.

...

И мы просим Вас, Николай Иванович, если можно, то уведомите нас о том, что письмо Вы наше прочитали.

С глубоким к Вам уважением мы

Дмитрий Мирошниченко

Дуня Степановна

30/XII-67»

Письмо второе.

«Здравствуй Николай Иванович!

Привет Вам от нас с Дуней и Вашей семье, желаем всем вам доброго здоровья, успехов, а также и поздравления от нас с наступающим новым годом, желаем встретить его приятно в кругу родных и друзей.

Пишем Вам сейчас ,Николай Иванович, коротенько, всего несколько слов, считайте это не письмо, а только уведомление от нас о том, что заказную бандероль, ваш дружеский бескорыстный дар мы получили, примите за это от нас сердечную от всей души благодарность, а ответ на ваше теплое дружеское письмо мы напишем вам немного позднее...

Ответы на это пишутся не скоропалительно, а подумавши и в одночасье его не напишешь и одностомник, и пересказ Слова, его торопко не просматривают, а читать его надо с большим вниманием, а не проглатывать и, кроме того, у меня имеется несколько личных вопросов литературного значения, в частности о «Слове», на которые ответы и разъяснения получить хочу только от Вас, о чем Вам немного позднее и напишу более подробное письмо.

А пока остаемся с глубоким уважением к вам

Дмитрий

Дуня

17/XII-67»

Письмо третье.

«Здравствуй Николай Иванович!

Привет Вам и Вашей семье от нас с Дуней, наш далекий добрый друг, желаем Вам доброго здоровья, многих лет жизни и сердечного покоя.

Давно еще зимой было у нас намечено написать Вам хорошее дружеское письмо, но в жизни иногда так складываются обстоятельства неблагоприятно, и жизнь она не торная дорога, а борьба ... но все перемалывается и теперь вот, чтобы успокоиться снова беру Ваш одностомник и как бы беседуем с Вами, наш далекий друг.

Сердечно благодарна Вам моя Дуня, за сказку Вашего детства, она с удовольствием ее прочитала понемногу в свободные часы, и закрывая книгу, всегда задумчиво говорит: «Да все это и мы пережили, все это наше свое родное близкое, и Николай Иванович наш свой, родной»

Нам понятны и близки такие картины как «у порога школы», «устный счет Богданова-Бельского и тем вот нам и дороги Ваши книги. Перечитывая Ваш пересказ «Слова» мы литературы об нем не имея, кроме двух-трех переводов, 1925 года Шторма, 1955-го Гудзия и Стеллецкого и 1964 Еремина. Но все это не то, а тем более, для моей Дуни... С грамотой у нее не так-то... и понятен ей только Ваш пересказ.

Теперь, Николай Иванович, у нас есть к Вам один литературный вопрос, по которому желательно бы знать Ваше мнение и определение: у нас в библиотеке имеется экземпляр книги Средне-Уральского книжного издательства в гор. Свердловске за 1966 год А. Динина, в котором есть повесть «Матушка Русь». Книгу эту вот Вам и пересылаем, так вот в этой повести Динин нашел автора «Слова о полку Игореве» и это не кто иной как Рыльский князь Святослав, ... и Дуня услышав такое, заявляет: «Не верю, где ты там нашел автора, что-то не то. Все это сейчас же перешли Николаю Ивановичу, он там лучше разберется, что и к чему».

И правда, Николай Иванович, Вы, пожалуй, лучше определите, что это, догадка, домысел или открытие...

Да наверно, Вы эту книгу читали и раньше. И если Вас не затруднит, то просим черкните нам коротенький ответ.

Да вот, пожалуй, и все наше послание, желаем Вам доброго здоровья и сил для новых творческих свершений, для народа и для нас...

С приветом и глубоким уважением

Дмитрий Мирошниченко

и Дуня

4/VIII-68

г. Кемерово»

Мне думается, что эти письма были одними из самых дорогих сердцу Николая Ивановича, как очень искренние и доверительные.

«Слово» настолько завладело умами наших сограждан, что его только изучали как выдающееся произведение, но и пытались разгадать все загадки и неясные места, узнать автора, путь войска Игоря, где именно была битва с половцами, какие географические названия рек соответствуют современным и прочее, прочее.

Организовывались в школах кружки, экспедиции в предполагаемые места битв и т.д. Был такой кружок и в поселке Шолоховский Ростовской области. Конечно, школьникам вряд ли были под силу довольно обширные задачи, которые ставили они перед собой, но это свидетельство огромного интереса к событиям, описанным в «Слове».

Выдвигалась даже идея о создании памятника безымянному творцу «Слова», но, правда, она не была осуществлена.

Тем не менее, произведение, это волшебное зерно, из которого выросла вся наша литература, продолжает жить, каждое новое поколение людей находит в нем что-то, что близко и дорого им. Рыленков в одной из своих философских миниатюр «Надпись на книге Шолохова «Тихий Дон» так писал:

Есть вечные глубины в «Тихом Доне»,
То, что народ наш совестью зовет.
Гремит гроза, иль ясен небосвод,
Мы вновь и вновь, забыв дорогам счет,

Как в первый раз, придем к нему, и вот –
Все мелкое ушло. Душа бездонней.
Святая жажда дела – жжет ладони,
Святая жажда правды – сердце жжет.

30 октября 1964 года

Такие вечные глубины хранит в себе и «Слово о полку Игореве».

Февраль–апрель 2017